

© 2003 г. А. Л. ШИЛОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА)

Хорошо известно, что установление точных этимологий топонимов часто требует привлечения самых различных данных, в том числе исторических (см. многочисленные примеры в работах А.И. Попова), палеоклиматологических (разработки А.А. Сейбутиса), этнолингвистических (см. монографию [Березович 2000]) и географических. Последние (мы имеем в виду индивидуальный характер конкретного объекта, его яркие особенности в ряду подобных) подчас оказываются незаменимыми при топонимических исследованиях. Это подчеркивается во множестве топонимических публикаций. Вместе с тем, их роль иллюстрируется, как правило, отдельными примерами, на основании которых трудно понять место и значение данных (и приемы работы с ними) о конкретных характеристиках географических объектов для установления этимологии топонима или группы топонимов. Данная работа ставит целью закрыть этот пробел хотя бы в первом приближении.

По нашему мнению, данные о географических реалиях, связанных с исследуемым объектом, оказываются особо полезными в следующих случаях.

– Субстрактный топоним сильно искажен (подчас до неузнаваемости) в результате фонетического усвоения в другом языке, порой сопровождающимся его переосмыслением на почве "народной этимологии". Так, в Карелии есть ручей *Великий* (длина 7 км) и озеро *Великое* (площадь менее 3 кв. км.). Семантика этих названий, если признать их русскими (даже не "большой", но "великий"!), вступает в резкое противоречие с характером соответствующих объектов. Поэтому мы видим здесь народно-этимологическое переосмысление названий, исходно восходящих к саам. *vjlegai* 'мелкий' [Шилов 1996: 72]¹. Другой пример: название порога *Кеняйкоски* (*Кеняковский*) на р. Шуя Онежская рассматривается как искажение (в русском освоении) исходного карел. **Köynäs-koski* "Водопадный порог" в силу наличия в пороге трехметрового водопадного слива.

– Имеется несколько омонимичных или фонетически близких этимонов, потенциально, подходящих (семантически) для образования данного топонима. Название горы *Шавруха* и беломорского залива *Шавро-губа* (известно с XVI в.), на берегу которого она находится, можно было бы выводить из саам *i'šjur^a*, *i'šewr^a* (> русск. *чевруй*, *чавруй*) 'галечник, булыжник; прибрежное голое галечно-каменистое место'. Этот вариант, казалось бы, подкрепляется и современным названием залива – *губа Кив* (ср. финск., карел. *kivi* 'камень'). Но выразительный облик горы, доминирующей над всем обширным заливом, не оставляет сомнений в том, что в ее названии лежит иное саамское слово: *išoarv^e* 'пог'.

– Этимон очевиден, но многозначен. Один из заливов беломорского побережья Карелии с XVI в. известен как *Красная губа*. Слово *красный* в русской топонимии может означать "красивый", "тёплый (прогреваемый солнцем)", "главный" и, нако-

¹ Об иных примерах (*Лисья*, *Золотец*) см. [Шилов 1996: 71, 1999: 108, 2001а: 53]

нец, собственно "красный" Только знание того, что на северном берегу залива имеется протяженный участок скал красноватого цвета (уникальных для всего Карельского берега Белого моря), позволяет остановиться на последнем варианте Другой пример связан с возможностью бытования на какой-либо территории специфической "неочевидной" топонимической модели Так, в Карелии пороги, имеющие названия со значением "кривой порог", могут оказаться не столько кривыми, т.е. расположенными на крутых изгибах реки (или вовсе не кривыми¹), сколько длинными [Шилов 1995] Таковы *Кривой порог* на Вонье, *Коверо коски* (карельское название) на Калге, *Московский* (из саам **Moask-kuosk*) на Беломорской Шуре

– Наконец, "географический критерий" может, как минимум, помочь отбросить некоторые, заведомо неприемлемые решения Так, для древних поселений на Онежском озере *Шуньга* и *Повенец* были предложены следующие "кабинетные" этимологии: *Шуньга* – из саам *šunŋa* 'травянистое болото', *Повенец* – из русск *по-венец* (*венец* 'бровка, край горы') Вместе с тем, эти домыслы опровергаются уже свидетельством Г.Р. Державина, бывшего в 1780-х гг. губернатором Карелии Про Шуньгу он писал "местоположение сей погост имеет каменистое", про Повенец "местоположение оного ровное и болотистое" (о возможном происхождении названий см. [Шилов 1997])

Конечно, любой географический объект имеет множество характеристик, каждая из которых потенциально может быть отражена в его названии Особенно это относится к протяженным, а не к локальным объектам Подчас оказывается, что потенциальные этимоны (созвучные или вовсе омонимичные) в равной степени подходят для описания объекта с учетом тех или иных его характеристик В этом случае (при отсутствии каких-либо дополнительных указаний²), один из возможных путей для установления истинной этимологии заключается в поиске других объектов того же географического класса с такими же названиями для выявления каких-то их особенностей, выделяющих объекты с данным типом названий в ряду им подобных³ Сказанное иллюстрируется нижеприведенными примерами топонимических исследований

Волчина

Волчина – крупный левый приток р. Молога в Тверской обл. Название (как имя населенного пункта или местности по реке) известно еще из берестяных грамот конца XI – начала XII в. (новгородские грамоты №№ 789 и 902 [НГБ 1997: 35, НГБ 1999: 4]) К русскому *волк* название определенно не имеет отношения, ибо в русской гидронимии 'зоонимические' названия образовывались по иной модели, см. реки *Волчь*, *Кунья*, *Бобровка*, озера *Волчь*, *Лебяжье*, *Медвежье*, *Заячь*, *Лись* и т.п. Модель на *на/ня* была свойственна именам рек, производным от названий растительности и почв *Олешня* (< *ольха*), *Ельня* (< *ель*), *Ситня* (< *сита* 'камыш, тростник'), *Песочня* (< *песок*), *Гнильня* (< диал. *гнила* 'глина') и т.д.

Конечно, столь протяженный объект, как река Волчина, может быть охарактеризован с самых разных точек зрения. Но данная река имеет яркую особенность на

² Так, на фоне многочисленных карельских названий *Ругоярви*, *Ругозеро* производимых из карел. *гига* 'смола, живица', название озера *Ругозеро* близ пос. Паяканда восходит в др.-русс. *руга* 'уголья, отведенные на содержание церковного причта'. Об этом свидетельствует жалованная грамота 1541 г. [Шилов 1997]

³ Хотя и здесь исследователя подстерегают опасности. В Карелии есть два озера с одинаковым названием *Машозеро*. Но название одного из них (на р. Тунгуда) восходит к саам. *moadz* 'поворот, изгиб', а другого (в басс. р. Лососинка) – к кар. *moašelga* 'водораздел' [Шилов 1996: 70]

значительном протяжении ее русло по сути дела представляет собой узкое болото, заросшее водными растениями (осоками, камышами, рогозами) настолько, что продвижение по нему даже легкой лодки оказывается чрезвычайно трудным. Подобные реки порой называются "зелеными" (ср. Вишера [Шилов 2001б]) но чаще – "травяными" (ср. в Карелии р. *Травяная*, р. *Рогоя* карел. *guoho* 'трава', *oja* 'ручей'). "Травяной" же мотив выводит нас на прибалт-финск. *olki* (финск., карел. *olki* (уменьш. *ollut*), ливвик. *olgi*, людик., вепсск. *ol'g*, водск. *eliši* (*elki*), эст. *õlg*, ливск. *vol'g*) 'соломина, солома', морд. эрзянск. *olgo* 'стебель соломы', саам. *vuolga*, *olk(a)* 'солома, стебель, длинная жесткая трава, осока'. К прибалтийско-финскому источнику явно восходит русское (северные диалекты) *волки* 'жесткая трава', *волиняг* 'невысокая луговая трава с плотным стеблем', *волот(ь)* 'трава, растущая по низким местам' [СРГК, 1: 221, 224, 225]. Нам представляется весьма вероятным, что название *Волчина* восходит к русскому **волки* 'водная, приречная растительность', заимствованного из какого-то прибалтийско-финского языка (возможно вымершего).

Бесспорно, Волчина была не единственной "травяной" рекой в данном регионе. Но именно по ней шел один из древних водно-волоковых путей новгородцев из бассейна Мсты (через оз. Пудоро) в бассейн Мологи (отмеченный, кстати, названием дер. *Волошина* на мстинской стороне сухопутного участка пути). Поэтому указанная характеристика реки, с точки зрения условий плавания по ней, оказалась достаточно существенной, что бы быть отмеченной в ее названии.

Кандалакша

Кандалакша (финск. *Kantalahn*, *Kannanlahti*, саам. *Kant-luht*) – город в Мурманской обл. в устье р. Нива на берегу губы *Кандалакша* – оконечности Кандалакшского залива Белого моря. По мнению ряда исследований это название отразилось в древнескандинавском (с X в.) *Gandvik*, в некоторых источниках являющимся обозначением Белого моря⁴ или более узко – его Кандалакшского залива⁵. При этом полагается, что *Gand* – есть фонетическое освоение исходного *Kanda-/Kanta-*, сопровождаемое народно-этимологическим осмыслением через *gandr* 'чары, волшебство', а *-vik* – переводом прибалтийско-финского *-lahti/-lakši* 'залив'. Однако это предположение оспаривается, ибо самые ранние упоминания *Gandvik*'а по смыслу соответствующих текстов не могли относиться к Белому морю [Джаксон 1994: 200–202]. Таким образом, неверно указание [Никонов 1966, Поспелов 1998], что Кандалакша известна с XI в.

В большинстве работ указывается, что первое достоверное свидетельство о существовании поселения в Кандалакше (*Кандолжской губе*) относится к 1526 г. Под этим годом летопись [ПСРЛ, VI: 282] говорит о прибытии в Москву посланцев из Кандалакши, которые просили прислать к ним священников для местной церкви. На самом деле название *Кандалакшского погоста* присутствует уже в грамоте Великого князя Василия сборщикам дани в Лопской земле 1517 г. [ВШШ 1998]⁶. В поздней-

⁴ См. в Деяниях данов. Саксона Грамматика (начало XIII в.) течение (океана) проходя мимо Норвегии в сторону востока и увеличиваясь в ширине заканчивается большим изгибом. Этот предел моря древние (люди) нашего народа именовали Гандвиком.

⁵ Именно в этом значении *Gandvik* выступает в разграничительной грамоте 1250-х гг., см. [Шаскольский 1945].

⁶ Более того, в 1566 г. путешественник Симон-ван-Салинген записал в Кандалакше рассказ о событиях (сражение при губе Княжая), происходивших в заливе меж Ковдой и Кандалакшей [Филипов 1901]. Датируется данное сражение 1496 годом [Ушаков 1986: 170–176]. Так что, скорее всего, русское поселение в устье Нивы возникло не позднее середины – второй половины XV в.

ших документах мы видим: *Кандаляжский монастырь* (1553 г.) [Мат. Кольск.: 6] (монастырь был построен в 1532 г.), *Микула кандалакшанин* (1578 г.) [АСМ 2: 103], *волость Кандолокшиа* (1608 г.) [Харузин 1890: 459] и т.д. В "Книге мореходной" О.А. Двинина конца XVIII в. губа Кандалакша названа как *Кандалуха* [Гемп 1980], что соответствует современному поморскому ее названию [Меркурьев 1979] (возможно из саам. *Kant-luht*); в "Описании Белого моря" того же времени видим: от *Кандаляжской губы и от Кандалякши...*" [Фомин 1797]. В западном источнике 1596 г. селение названо *Candelax* [KKLS: 973], на карте Г. Герритса 1613 г. – *Kandelax* [Герритс].

Версий о происхождении названия имеется множество. Еще в 1829 г. П.П. Свиный писал: «*Кандалякша* – "плоское и ровное место, нанесенное" от *кандан* 'несу' и *лакша* 'плоское место'» [Свиный 1829]⁷. Я.К. Грот выводил *Кандалякшиа* из *kanta* 'край, угол, рог' со ссылкой на нем. *Kante* (но из немецкого было заимствовано финск. *kannti* 'кайма, кант' а не *kanta* – А.Ш.) и финск. *lahti* 'залив' [Грот 1860].

Весьма близко к правильному (по нашему мнению) решению подошел Я. Калима, указавший карел. *kanda* 'голова, верхушка, оконечность, основа' и *lakši* 'залив', т.е. *Кандалякшиа* – "Верхний (головной, крайний, конечный) залив" (цит. по [Фасмер, Т. 2: 178]; в [Никонов 1966: 173] версии Грота и Калимы приводятся без обсуждения). Д.В. Бубрих трактовал название *Kanta-lakši* как "Опорный залив (залив – держатель вод)", полагая, что оно было старым прибалтийско-финским названием всего Белого моря [Бубрих 1947: 30].

К саамской форме названия Кандалякши Т. Итконен указывал саам. *kandt* 'сухое место на болоте' [KKLS: 973]. Исходно саамское происхождение названия принимают также Г.Г. Кузьмин и Е.Ф. Разин, приводя саам. *kandas* 'выюк, ноша' и *luht* 'залив', т.е. *Кандалякшиа* (*Kant-luht*) – место, где кончался водный путь и кладь выючили на оленей (цит. по [Попов 1990]).

А.А. Минкин отвергает версии, в которых *Кандалякшиа* объясняется как "угловой, конечный залив", утверждая, что наиболее глубоко в этом районе вдается в материк губа Лупча; к этому названию он приводит саам. *лупча* 'конечная'⁸. Название же *Кандалякшиа* он связывает с находящейся относительно неподалеку губой *Канда* (см. подробно об этой губе ниже), выводя ее название из карел. *kandaja*, *kantaja* 'выкормившая' (как метафорической замены слова "мать"). К этому Минкин указывает, что губа и река Канда богаты рыбными уловами, а ближние леса изобиловали дичью и пушным зверем, т.е. *Кандалякшиа* значило у карел. "Залив-кормилец" [Минкин 1976; 1990]. Карельское *kandaja* действительно в плачах и причитаниях означает "матушка", но дословно – не "выкормившая", а "выносившая", так что эта версия абсолютно надуманна.

Наиболее осторожно высказался Е.М. Поспелов. Он справедливо подчеркнул, что селение Кандалакша находится на берегу Кандалякшского залива (губы), по которому и было названо. Первичная форма названия – губа *Кандалякшиа*, где *лакшиа* из карел. *lakši* 'залив, губа', а *Канда* – название губы, прилегающей к Кандалякшскому заливу и впадающей в нее реки (убедительной этимологии название *Канда* не имеет). В целом же *Кандалякшиа* – "залив реки Канда" [Поспелов 1970; 1998: 186].

⁷ Действительно, 1 лицо ед. числа от карел. *kandoa* 'нести' будет *kandan*; что же касается *лакшиа* 'плоское место', то к этому можно привести разве что финск. *la(a)kso* 'озерко, пруд', эст. диал. *laks* 'равнина' саам. норв. *loekša* 'большое болото с чахлым лесом', терск. *liekša* 'низменная болотная земля'.

⁸ Во-первых, губа Лупча (в устье одноименной реки) – это очень неглубокий залив, скорее бухта. Во-вторых, саам. *luptš* иногда означает 'угол' (но не залива, а избы, чума), основное же его значение – 'святое место (у очага)'.

Прежде чем двинуться дальше, еще задержимся на соотношении упомянутых географических объектов – это существенный момент. Название *Кандалакшский залив* (северо-западная часть Белого моря) весьма позднее. Губа *Кандалакша* – его конечная часть, начинающаяся там, где плес залива стесняется (отграничивается) группой островов Ряшков, Вороний, Медвежий. Поселение получило свое название, конечно, от названия губы (будучи названо по своему точному положению, оно должно было бы называться, скажем по-карельски *Нивансуу* "Устье реки Нивы"). Название же губы *Кандалакша* представляется (в этом мы согласны с Е.М. Пospelовым) производным от названия боковой (по отношению к основной губе) губы *Канда* (в которую впадают реки Канда, Небло, Кумжа). Отметим, что названия *Кандалакша* и *Канда* никогда не смешивались: "в волости в Кандолокши тони: Копша, Корга, Валаз ручей... речка *Канда*" (1608 г.) [Харузин 1890]; "В *Кандалакше*... да у них же в *Канде* две варницы соляных" (1675 г.) [АИ, Т. 4: 550]. Так что же значит *Канда* (и что первично – название губы *Канда* или одной из впадающих в нее рек)?

Сразу скажем, что присутствие саам. *kandt* 'остров на болоте; высокая ровная тундра' в нашем названии маловероятно⁹. Остается, собственно¹⁰, лишь указанное Я. Калима карел. *kanda*, для которого он указывал значение "голова, вершина". Но основное значение финск. *kanta* (родит. пад. *kannan*), карел. *kanda*, ливвик. *kandu*, людик., вепск. *kand* (отсюда и саам. *kadtja, kandt, kandtja*) – "пятка, основание; шляпка, верхушка; каблук, основа, корень" [SKES: 157; KKLS: 77]. В качестве географического термина это слово встречается в топонимии юго-востока Финляндии и юго-запада Карелии – большей частью в названиях объектов, связанных с узкими полосами земли между озер, рек или болот, основаниями мысов или перешейков¹¹: дер. *Kusenkanda*, луг *Ukonniemekanta* (в основном мыса *Ukonniemi*), *Ukskanta~ Ukskannalluoto* – отдельно стоящая луда в группе островков на оз. Койтере (фиг. *yksi* 'один') [Nissilä 1975: 40, 96]¹². Иногда "kanta-имена" оказываются связанными с перекрестками дорог (и соседних с ними объектов): *Kolmkanta* на перекрестке трех дорог в Ряйсяля, *Kolomkanta* – место соединения воедино трех дорог в Пяльярви (*kolme* 'три'), *Viiskanta* – пересечение пяти дорог (*viisi* 'пять') в Рауту и в Раутярви [Nissilä 1975: 83]. В Восточной Финляндии, Южной Карелии и Ингерманландии термин *kolmi-kanta* употребляется для обозначения объектов треугольной формы, мест соединения границ трех деревень, волостей, земельных участков, соответствующих межевым стол-

⁹ Оно реализуется в названии возвышенности *Jiegel-koudt-kandt* близ Ловозера [KKLS: 971].

¹⁰ Любопытно, конечно, сообщение Г.Д. Рихтера: «*канда* – верхняя часть залива, кут губы (ср. *Кутовой залив*, как названа губа *Канда* в "Описании" 1797 г. – *А.Ш.*), где расположено селение и происходит перевалка грузов или водный путь сменяется сухопутным» (Карелия, Кольский п-в) [Мурзаев 1984: 253]. Но только словари русских говоров Карелии и Кольского п-ва наличия такого слова не подтверждают. Более того, в большинстве заливов, имеющих компонент *канда* в названиях (см. ниже), никакие поселений никогда не было и лежало большинство этих заливов в стороне от торгово-промышленных путей, как древних, так и нынешних. Похоже, что приведенный термин является не реальным словом, а артефактом, который призван описывать географическое положение и соответствующее хозяйственное значение конкретного поселения *Кандалакша* (это действительно был важный транзитный пункт, в котором морской путь сменялся пеше-водным путем к древней Коле – центру промыслов на Баренцовом море).

¹¹ Такое употребление термина соответствует значению этимологически родственного ему прибалт.-финск. *kannake, kannas* 'перешеек; полоса суши между двумя водоемами или болотами' [SKES]. Кстати, для Карелии словарь [ПФГЛ: 36] дает только этот последний термин, но не *kanta, kanda*.

¹² К этому виду объектов возможно принадлежит и покос *Ехтеканда* у дер. Суйсарь на Онежском оз. Не удалось нам отождествить с каким-либо современным объектом поселение *Kandij byn* в кирхшпиле Суоярви, указанное в шведской писцовой книге 1618 г. [История: 362].

бов, а вторично – и объектов на прилегающей местности [Nissilä: 96]. Но все указанное никак не может помочь в истолковании нашего названия¹³.

Единственно что остается – поиск объектов Карелии и Кольского п-ва с элементом *канда* в названии с тем, чтобы попытаться вычленить какую-то их общую характеристику. И здесь нас ждет приятная неожиданность. На самом юге Карелии (а административно – уже в Ленинградской обл.) обнаружилась почти точная тезка *Кандалакши* – *Кандалахта* (так в 1496 г. [ПКНЗ, Т. 1: 291] и в 1597 г. [ДАИ: 233]; в 1563 г. – *Кандас озеро* [ПКОП: 74], ныне оз. *Кандольское*). Формально это озеро, соединяющееся со Свирью речкой *Кандола* (*Кандала* на карте Н.Я. Озерцовского 1792 г.). Реально – обособленный залив Свири, этакий грибок с широкой ножкой (протокой *Кандала*).

Другие *канд*-названия нашлись на севере Карелии и юго-западе Кольского п-ва. И все они обозначают морские или озерные заливы с относительно узким входом:

Кандозеро – прибрежное оз. у Белого моря между реками Летняя и Поньгома¹⁴.

Кивиканда (так в 1563 и 1598 гг. [СГКЭ, № 137; История: 235–242]) – ныне оз. *Кювиканда* в устье р. *Кювиканда* на Белом море меж реками Сонрека и Гридина.

Паяканда/Паяконда (*Паяканда* в 1563 г. [СГКЭ, № 137], *Паяколская губа* в 1658 г. [Мат. Кольск.: 92]) – ныне Ругозерская губа Белого моря.

Ёкоканда (*Ёкоканская губа* в 1579 г. [АСМ 2: 141], *Ехканда* в 1733 г. [Ушаков 1986], ныне оз. *Ёканское*) – губа Белого моря в устье р. *Рязанка* к западу от *Порьигубы*.

Умбиканда – губа на северо-востоке *Пяозера* басс. р. *Ковда*.

Кильпиканда – губа (и остров на входе в нее) на северо-западе *Ковдозера*.

Кандас – залив типа "канда" на Нижнем *Челмозере* басс. оз. *Имандра*.

Кылпаканда, *Корсканда*, *Охта-канда* – заливы на оз. *Имандра*¹⁵.

Так и губа *Канда* (мы теперь можем утверждать, что название *Кандалакши* является производным именно от названия губы, а не впадающей в нее р. *Канда*) является обособленным заливом: длина ее 18 км, преимущественная ширина 2–2.5 км, но на входе – менее 1 км; вход же в основной (дальний) плес губы еще более узок – это довольно длинный пролив шириной 400–500 м.

Таким образом, есть основания полагать, что в названии *Кандалакши* (как и в ряде иных гидронимов) присутствует ныне забытый карельский "анатомический" термин *kanda* 'пятка', в географическом употреблении означавший "залив с узким входом". Возможно в данном случае переход анатомического термина в сферу геогра-

¹³ В русских документах, касающихся Пошехонья, изредка встречается термин *пята* (семантически эквивалентный в анатомическом значении прибалт.-финск. *kanta, kanda*): "на реке на Шохне против Шатрецкого езу на *Пяте* пожню косити" (1448–1470 гг.) [АСЭИ, Т. 2: 78]. Сейчас нет возможности соотнести эти топонимы с конкретными географическими объектами, то есть установить их характер, и тем самым – семантическое наполнение термина *пята*. Мнения же комментаторов расходятся. Так, в примечании к указанному документу сказано: "*пята*, вероятно, прибрежная пологая заливная полоса берега, над которой обрывисто или круто поднимается незаливаемая суша". А.В. Кузнецов же полагает, что в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. термин *пята* применялся в значении "место на берегу реки у рыболовного еза". При этом он ссылается на запись 1585 г. "от езу от *пяты* вверх" и на положение деревень *Пята* и *Пятная* рядом с *Топромским* и *Ковжским* езами соответственно [Кузнецов 1999: 77]. В Белоруссии и на Смоленщине *пята* зафиксировано в значении 'конец поля; первый примечательный чем-то межевой пункт'. В Новгородчине в этом же значении известен термин *пяттина* [Яшкин 1974].

¹⁴ Как и следующий объект (оз. *Кивиканда*) оно когда-то являлось обособленным морским заливом; озером же стало в результате поднятия суши в постледниковое время.

¹⁵ А вот название разьезда *Африканда* в этот ряд включать не стоит. Как рассказывает академик Ферсман, его появление было спровоцировано "африканской" жарой и наличием недалеких названий *Кандалакши* и *Охтаканда*.

фической лексики совершился не прямым переносом (*нос* 'часть лица' – *нос* 'мыс', *колено* 'часть ноги' – *колено* 'изгиб реки' и т.п.), но через промежуточную стадию, а именно: через ассоциацию формы залива с узким входом с отпечатком ноги человека (не страдающего плоскостопием) на песке или влажном грунте.

Любопытно, что и само Белое море (со своим узким горлом) в отношении Ледовитого океана является заливом типа "канда" (см. выше версию Д.В. Бубриха). Но, конечно, древние обитатели его берегов не имели столь широкого кругозора, чтобы назвать его подобным именем.

Сума

Сума – река в Восточной Карелии. Вытекает из Мелозера. На своем пути к Белому морю (164 км) проходит через крупные озера Шунозеро, Хижозеро, Пулозеро, Сумозеро и ряд небольших озер (Торосозеро, Ильино, Видозеро, Корбозеро, Монастырский Омут, Пустовское и другие).

Угодья в Суме реки известны по документам с середины XV в. [ГВНП, № 307] (тогда они были переданы Марфой Борецкой Соловецкому монастырю), *Сумская волость*, *Сумозеро* и *Сум-остров* на море (близ устья реки) – с 1555 г. [АСМ 1: 82–83], *Сумостров* на Сумозере – с 1563 г. С этого же времени известен *Сумский посад*, расположенный на реке в 6 км от моря [ПКОП: 159–165]. В иностранных источниках это поселение называлось *Soeta* (1566 г.) [Филипов 1901], *Sumina* (карта 1613 г.) [Герритс]. Писцовая книга 1582 г. сообщает: "в волости в Суме на погосте поставлен острог косою через замет в борозды" [АСМ 2: 197]¹⁶.

Наиболее ранняя (известная автору) версия происхождения названия *Сума* была высказана Н.Я. Озерецковским в конце XVIII в.: "Из вышесказанных народов, составляющих некогда Биармию, *Емь* или *Ямь* (т.е. *Häme* – *А.Ш.*) и *Сумь* заслуживают особое внимание... *Кемский* и *Сумский* острог, сохранив до нынешнего времени свое имя, подтверждают... бытие *Еми* и *Суми*... И ежели *Сумский острог* с достоверностью почтен быть может жилищем *Суми*, то *Емь* долженствовала иметь столицею *Кемский городок*" [Озерецковский 1989: 125–126]. Итак, название *Сума* Озерецковским связывалось с именем финского племени *Suomi*, др.-русск. *Сумь*.

Д.В. Бубрихом [Бубрих 1947; 1949] "этнонимическая" версия названия была представлена в ином варианте: "Самоназвание лопарей *saamte* (у древних германцев оно выступало как *Sooma*¹⁷). Небезынтересно, что то же *Sooma* проникло к русским не только в том значении, которое соответствовало позднейшим обстоятельствам, то есть для обозначения племени *Сумь*, но и в более древнем значении и в последнем случае могло обозначать лопарей; ср. *Сумозеро*, р. *Сума*, *Сумостров*, *Сумский посад* как раз в тех местах, где долго держались лопари" [Бубрих 1947: 18].

Это мнение разделялось и другими авторами [Гадзяцкий 1941; Лескинен 1967; Минкин 1987] (версия Д.В. Бубриха приведена и в работе [Керт, Мамонтова 1982]). Вот типичное высказывание: "Такие названия как *Сума*, *Сумозеро* (бассейн Водлы – *А.Ш.*) свидетельствуют с несомненностью о существовании в прошлом в данной местности саамского населения" [Гадзяцкий 1941]. Между тем, стоит задуматься, кем могло быть дано здесь подобное этнонимическое название. Русскими? Но они звали саамов *лопью*, *лопарями* и никак иначе (предположение Д.В. Бубриха не находит никакого документального подтверждения). Прибалтийскими финнами? Они называ-

¹⁶ Таким образом, указание, что Сумский острог был построен в 1584–86 гг. (для защиты от нападения шведов) [Керт, Мамонтова 1982] не точно.

¹⁷ Но древние германцы называли лопарей (саамов) *fenni*, *fennar*, (что нам известно из Птолея, Тацита, Иордана), позднее *lappar* (шведы), *fin* (норвежцы), а вовсе не **Sooma*–.

ли саамов *Lappi*. Самими саамами? Но их самоназвание *saamme*, множ. *saami* [KKLS: 471] никак не могло дать топоним, который русские бы восприняли в форме *Сума*. Финнов же *суоми* в этих местах никогда не было¹⁸.

А. Кастрен связывал название *Сумозеро* с финск. *sumi* 'туман' [Kastren 1862]. Красивое название "Туманное озеро" (или "Туманная река") в принципе имеет право на жизнь¹⁹, хотя таковых на Русском Севере нам встретить не удалось. Эту этимологию Р.А. Агеева охарактеризовала как необусловленную [Агеева 1970].

Название р. *Сума* – пр. Северной Двины (в ее низовье) – Н.В. Кабинина связывает с финск. диал. *suta* 'затор бревен; плывущие по реке бревна; плот из бревен', ливвик. *suta* 'затор бревен на реке; множество бревен' [Кабинина 2000; 46]. Эта трактовка безупречна в фонетическом отношении, но семантически оправдана, скорее всего, лишь для относительно поздних названий.

Как уже видно из вышесказанного, "наша" *Сума* не одинока. Имеется еще *Сумоярви* басс. Охты (*Сумозеро* в 1591 г. [Мат.]), *Сумозеро* и р. *Сума* – пр. Водлы (известны с 1563 г. [ПКОП: 181–188]), *Сум-губа* "на усть Пукше речки" [ПКОП: 157] (в губе Урокса на Выгозере), р. *Сумера* (*Сумерья* [ПКВП]), впадающая в Ладожское оз. к востоку от Импилахти, *Сума* – протока из малых ламбин в оз. Воже басс. Онеги, р. *Сума* (*Сумара*, в 1621 г. – *Сумка* [АИ, Т. 3: 124]), вытекающая из *Сумозера* и, через р. Лодьма, впадающая в восточный рукав устья Сев. Двины. Все эти объекты роднят два обстоятельства: территориальное (Южная и Восточная Карелия, басс. Онеги, устье Двины)²⁰ и физико-географическое. Имя *Сума* неизменно оказывается принадлежащим недлинной речной протоке, связывающей озеро (часто называемое *Сумозеро*) с основным водоемом или водотоком. Поэтому мы обратим внимание на то, что русским *сум-* регулярно передавалось вепсское *saumt*, *souit* 'пролив; мелководная часть водоема между двумя мысами' [СВЯ], весьма активное в топонимии Вепсского Межозерья [Муллонен 1994]. В качестве примера можно привести названия соседних протоков на Свири; *Салма* – протока собственно Свири (из карел. *salmi* 'протока, пролив') и *Сума* – речной сток в эту протоку из оз. Монастырское. Показательно и то, что в области распространения *Сум-*гидронимов (а подобных оронимов нет вовсе) не встречаются гидронимы с основой *Елм-/Эльм-*, многочисленные в Центральной и Северной Карелии. Последние мы связываем (на основании характеристик соответствующих объектов) с финск. диал. *jolma* 'протока' [SKES: 118] или саамским (через карельское освоение) *vielma* 'межозерный пролив; глубокий плес на реке'²¹.

А что можно сказать о той реке *Сума*, которая, собственно, и является предметом нашего исследования? Конечно, в целом ее нельзя назвать протокой или проливом. С другой стороны, она сама большей частью представляет собой цепь межозерных протоков (см. выше). К тому же, большой, осыхающий в отлив, залив при ее устье представляет собой объект, достаточно точно характеризуемый вторым словарным значением вепсского *souit*: 'мелководная часть водоема между двумя мысами'.

¹⁸ Чисто предположительно с этнонимом *Suomi* можно было бы связать такие названия как др.-русск *Сумовиси* (Ореховецкий договор 1323 г.), *Сума* – пр. Систы, впадающей в Копорскую губу Финского залива, *Сумка* – пр. Вруды, пр. Луги и т.п. Но это уже не имеет отношения к нашему исследованию.

¹⁹ Так, на Кольском п-ве есть р. *Tsikkjokk* ~ *Туманная река* [KKLS]

²⁰ Несколько географически изолированным в кругу перечисленных названий выглядит *Сумоярви* на Охте. Вместе с тем, характер озера полностью отвечает таковому для остальных *Сум-*гидронимов, о чем см. ниже.

²¹ Иная трактовка подобных названий приведена в [Муллонен 2000].

Итак, установление этимологии топонимов может потребовать привлечение двоякого рода географических данных. Во-первых, это данные о физико-географических характеристиках конкретного объекта (примеры приведены во вводной части статьи); здесь необходимо личное знакомство с объектом, либо надежные свидетельства очевидцев. Во-вторых, это те характеристики группы объектов, что выделяют их в кругу формально подобных. Естественно, в данном случае основным подспорьем исследователя является крупномасштабная географическая карта (см. выше о названиях *Кандалакша*, *Сума*). Безусловно, многочисленны случаи, когда географический критерий необходимо сочетать с иным, например – историческим (см. выше о названии *Волчина*). Конечно, далеко не всегда "географический ключ" является отмычкой к решению проблемы. Мы хотели лишь подчеркнуть, что игнорирование географических реалий, с одной стороны, может привести, к досадным промахам в этимологизации географических названий, а с другой – их привлечение подчас позволяет решать достаточно сложные проблемы топонимии России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р А* 1970 – Топонимика в трудах М.А. Кастрена // Развитие методов топонимического исследования. М., 1970.
- АИ* – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1–5 СПб, 1841–1842.
- АСМ 1* – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ 2* – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- АСЭИ* – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Березович ЕЛ* 2000 – Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Бубрих Д В* 1947 – Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих Д В* 1949 – О древней прибалтийско-финской речи // Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 1.
- ВШШ* 1998 – *В Е Возгрин, И П. Шаскольский, Т.А Шрадер* Грамоты Великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // ВИД. Т. XXVI. СПб, 1998.
- Гадзяцкий С С* 1941 – Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- ГВНП* – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гемп К П* 1980 – Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия Л., 1980.
- Герритс* – Карта Европейской России, изданная в 1613 г. Г Герритсом по русским источникам // Л С. Берг. Очерк истории русской географической науки. Л., 1929.
- Грот Я К* 1864 – Заметка о названии мест // Зап. АН. Т. 6. Кн. 1. СПб, 1864.
- ДАИ* – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. Т. 1, СПб. 1846.
- Джаксон Т Н* 1994 – Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994.
- История* – История Карелии XVI–XVII вв. в документах Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.
- Кабинина Н В* 2000 – Топонимия прибалтийско-финского происхождения в дельте Северной Двины // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000.
- Керт Г М, Мамонтова Н Н* 1982 – Загадки карельской топонимии: рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Кузнецов А В* 1999 – Шексна – река Велеса. Вологда, 1999.
- Лескинен В* 1967 – О некоторых саамских гидронимах Карелии // ПФЯ. Л., 1967.
- Мат* – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941
- Мат* Кольск – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв // Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 28. Серия северная. Л., 1930.
- Меркурьев И С* 1979 – Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Минкин А А* 1976 – Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976.
- Минкин А А* 1987 – О саамских этнонимах // Этническая топонимика М., 1987.

- Минкин А А 1990 – Топонимы – краеведческие и исторические источники // Европейский Север история и современность Петрозаводск, 1990
- Муллонен И И 1994 – Очерки вепсской топонимии СПб, 1994
- Муллонен И И 2000 – Лимноним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции топонимических основ российского Северо-Запада // Финно-угорское наследие в русском языке Вып 1 Екатеринбург, 2000
- Мурзаев Э М 1984 – Словарь народных географических терминов М, 1984
- НГБ 1997 – ВЛ Янин А А Зализняк Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г // ВЯ 1998 № 3
- НГБ 1999 – ВЛ Янин А А Зализняк Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г // ВЯ 2000 № 2
- Никонов В Н 1966 – Краткий топонимический словарь М, 1966
- Озерецковский Н Я 1989 – Путешествие по озерам Ладожского и Онежскому Петрозаводск, 1989
- ПКВП – Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 года // Временник МОИДР Кн 12 М, 1852
- ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли М, 1999
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг Л, 1930
- Попов С В 1990 – Названия студеной берегов Мурманск 1990
- Поспелов Е М 1970 – Географические карты и топонимические этимологии // Изв ВГО 1970 Т 102 № 3
- Поспелов Е М 1998 – Географические названия мира Топонимический словарь М, 1998
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей Т VI СПб, 1853
- ПФГЛ – Н Н Муллонен И И Мамонтова Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Свиньин П П 1829 – Изъяснение некоторых карельских слов, доказывающих существование там чуди // Отечественные записки 1829 Ч 38 № 110 Июнь
- СВЯ – М И Муллонен М И Зайцева Словарь вепсского языка Л, 1972
- СГКЭ – Сборник грамот коллегии экономики Т 2 Л, 1929
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий СПб, Т 1 1994
- Ушаков И Ф 1986 – Кольская старина Мурманск, 1986
- Филипов А М 1901 – Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник СПб, 1901, Т 1 Кн 3
- Фасмер – М Фасмер Этимологический словарь русского языка Т 1–4 М, 1964–1973
- Фомин А 1797 – Описание Белого моря с его берегами и островами вообще СПб, 1797
- Харузин Н Н 1890 – Русские лопари // Известия ОЛЕАЭ при Московском университете Т 66 Труды этнографического отдела Кн 10 М, 1890
- Шаскольский И П 1945 – Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки Вып 14 М, 1945
- Шилов А Л 1995 – Ландшафт и этнос через призму названий порогов Карелии // Этнические и языковое самосознание Тезисы научной конференции М, 1995
- Шилов А Л 1996 – Топонимический заповедник // РР 1996 № 3
- Шилов А Л 1997 – Исторические свидетельства и этимология топонимов Карелии // Исторический источник человек и пространство М, 1997
- Шилов А Л 1999 – К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ 1999 № 6
- Шилов А Л 2001a – Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // ВЯ 2001 № 1
- Шилов А Л 2001b – Вишера // РР 2001 № 1
- Яшкин И Я 1974 – Топографическая и гидрологическая лексика Белоруссии и западной части РСФСР // Вопросы географии Сб 94 М, 1974
- Kastren M A 1862 – Bemerkungen über die Zavolocheskaia Chud' // Kleineren Schriften St -Petersburg, 1862
- KKLS – Itkonen T I Koltan-ja Kuolanlapin sanakirja Helsinki, 1958
- Nissila V 1975 – Suomen karjalan nimisto Joensuu, 1975
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja Helsinki, 1955–1978